

Анализ фреймов голосования. Эссе об организации электорального опыта

Виктор Вахштайн*

Аннотация. Статья представляет собой фрейм-аналитическое обобщение серии наблюдений, сделанных автором на избирательных участках в Албании, Хорватии, Боснии и Герцеговине (2005–2007). В ней рассматривается механика трансформации электоральной активности: превращение голосования в «священнодействие», «карнавал» и «фальсификацию». При помощи нескольких теоретических аргументов и иллюстраций автор пытается показать, как исследование структур взаимодействия лицом-к-лицу позволит переосмыслить модели объяснения электорального поведения, принятые в современных политических исследованиях.

Ключевые слова. Фрейм, транспонирование, электоральное поведение, выборы, рефрейминг, метакоммуникативное сообщение, «Газель», ремень безопасности.

Принципиальное отличие политических наук от социологии состоит в негерметичности предлагаемых ими объяснений. Например, в одной и той же статье результаты выборов могут поочередно объясняться географическими, экономическими и психологическими факторами — причем все объяснения будут рассматриваться как конкурирующие и ни одно из них не получит априорных предпочтений. Стремление «объяснить политическое политическим» (Branton, 2003; Kostadinova, 2006; Mylonas, Roussias, 2008; Prysby, 1989) зачастую декларируется в качестве желаемой цели, однако редко когда ученому-политологу удается избежать разгерметизации своих объяснительных моделей — политическим наукам далеко до герметичности социологических нарративов, блокирующих все попытки объяснения социального не-социальным.

Что это означает для исследований, предметом которых традиционно являются электоральные процессы, поведение избирателей, политические режимы, партийные системы, институты власти etc.? Во-первых, из-за отсутствия эмбарго на импорт объяснений из смежных дисциплин не складывается единый дисциплинарный канон, не формируется общий для всех политических наук когнитивный стиль¹. Во-вторых, политические науки больше, чем смежные с ними дисциплины открыты для *эпистемических интервенций* — не прекращающихся попыток использовать логику, апробированную в смежных дисциплинарных областях, для объяснения феноменов, устойчиво определяемых как политические. В-третьих, такие эпистемические интервенции могут идти на пользу дисциплине, которая вынуждена регулярно про-

* **Вахштайн Виктор Семенович** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, декан факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, avigdor2@yahoo.com

© Вахштайн В., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. Это весьма спорное утверждение и его защита потребовали бы написания еще одной статьи — по эпистемологии политических наук и когнитивным стилям политологических объяснений. Не имея такой возможности, мы просто оставим данный тезис в качестве проблематичной предпосылки дальнейшего анализа.

блематизировать свои аксиоматические основания (яркий пример: попытки изгнать модель «человека экономического» из исследований электорального поведения и триумфальное возвращение этой модели в политологический мейнстрим).

Исследование, о результатах которого пойдет речь ниже, — всего лишь иллюстрация такой эпистемической интервенции. Мы использовали язык фрейм-анализа, сформировавшийся в микросоциологии, для описания электорального поведения. Не претендуя на полноту и исчерпывающую убедительность представленных объяснений, мы лишь попытались показать возможности ре-концептуализации «электорального поведения» как феномена, принадлежащего, скорее области «взаимодействий лицом-к-лицу», нежели автономному царству Политического.

Прежде чем перейти к анализу наблюдений, эксплицируем в самых общих чертах логику фрейм-аналитического исследования. Основной вопрос фрейм-анализа: как определение текущего социального взаимодействия его участниками связано с внешними, наблюдаемыми характеристиками этого взаимодействия. Каждый из нас, делая покупки в магазине, обсуждая статью с коллегами или переходя улицу, определенным образом фреймирует происходящее; мы знаем, что «это — покупка», «это — обсуждение», а «это — переход». Согласованное фреймирование взаимодействия делает его непроблематичным. В случае если событие взаимодействия начинает выпадать из фрейма, участники задаются вопросом «Что здесь происходит?». И тогда общее определение проблематизируется, а взаимодействие, как правило, начинает нуждаться в «ремонте». Таким образом, фрейм — это одновременно матрица возможных событий, которую таковой делает ролевая диспозиция взаимодействующих, и схема интерпретации, присутствующая в любом восприятии. «Мы принимаем соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого, — пишет создатель интересующей нас версии фрейма-анализа Ирвинг Гофман, — несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии» (Гофман, 2004: 86).

Фреймы организованы в системы фреймов (frameworks). Среди систем фреймов особое место занимают первичные или базовые системы, за которыми не скрывается никакая другая «настоящая» реальность («переход улицы» — первичная система фреймов, «социологический эксперимент по переходу улицы» — вторичная). Однако при всей их значимости, первичные системы фреймов, составляющие фундамент мира повседневности, не находятся в центре внимания создателей фрейм-анализа (прежде всего Г. Бейтсона и И. Гофмана). Их гораздо больше занимают возможности трансформации, преобразования «настоящей, живой деятельности» в нечто пародийное, поддельное, ненастоящее, не-буквальное (non-literal realm).

Гофман выделяет два типа трансформаций. Основной тип — *переключение (транспонирование)* — представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов («если нет исходной схемы, то нечего переключать»); ее перевод в другую систему координат (Гофман, 2004: 104). Эта система координат, в сущности, образует мир вымысла *sui generis*. В качестве вымышленного мира может рассматриваться мир игры, мир текста, мир сна, мир спек-

такля, мир спортивного состязания и т.д. В них «настоящая», разбитая на отрезки деятельность становится превращенной.

Второй тип — *фабрикация* — предполагает целенаправленное формирование ложного представления о происходящем. Данный класс трансформаций объединяет розыгрыши, экспериментальную инсценировку (навязывание испытуемому ложного представления о целях эксперимента), учебный обман (взлом сейфа для тестирования системы безопасности), «патерналистские конструкции» (сокрытие информации во благо жертвы), проверки (введение жертвы в заблуждение для оценки ее действий), а также многочисленные формы злонамеренного обмана.

В отличие от фабрикации, переключение (транспонирование) не предполагает намеренной лжи. Оно осуществляется посредством выдумки (имитации непревращенной деятельности в игровых целях), состязаний (в которых драка становится боксом, а погоня — бегом), церемониалов (символических преобразований повседневности), технической переналадки (например, воспроизведения фрагмента непревращенной деятельности в учебных целях), пересадки (трансформации мотивов привычной деятельности). Одно из любопытных наблюдений Гофмана состоит в следующем: *наибольшим «потенциалом переключаемости» обладает деятельность, сама явившаяся результатом переключения* (Гофман, 2004: 143). Но об этом — позже.

Для исследователя электорального поведения событие голосования — это и есть событие в первичной системе фреймов, т.е. элемент той самой непревращенной, буквальная реальность. Но что если мы сместим фокус исследовательского внимания и проанализируем случаи транспонирования электоральных событий («голосование») в неэлекторальные фреймы («игра», «состязание») и их фабрикация («фальсификация результатов голосования»? Что это изменит в концептуализации электорального процесса?

Представленный в данной статье анализ основывается на материалах наблюдения за ходом выборов в ряде балканских стран в период с 2005 по 2007 год. В качестве наблюдателя и организатора наблюдения автор участвовал в трех балканских миссиях международного электорального мониторинга ODIHR OSCE² и Европейской сети электорального мониторинга³: в Албании (парламентские выборы 07.2005), в Боснии и Герцеговине (общие выборы 08.2006) и в Хорватии (парламентские выборы 11.2007).

Решение использовать некоторые положения фрейм-аналитического языка описаний для изучения взаимодействий лицом-к-лицу на избирательных участках было принято в июле 2005 года в городе Пука (Северная Албания) в ходе наблюдения за подсчетом голосов. В соответствии с албанским законодательством бюллетени не подсчитываются на избирательных участках. После завершения голосования печатные урны транспортируются в ближайший «счетный центр», где ими занимаются специально обученные члены счетной комиссии под неусыпным контролем местных и международных наблюдателей. Счетный центр города Пука представлял собой

2. Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. (The Organization for Security and Co-operation in Europe, Office for Democratic Institutions and Human Rights: <http://www.osce.org/odihhr/>)

3. European Network of Election Monitoring Organizations: www.enemo.eu

спортивный зал, расположенный в подвале единственной городской общеобразовательной школы. Помещение было разделено красной лентой на две неравные части: на одной (меньшей) половине расположились наблюдатели, на другой разместили четыре стола для членов счетной комиссии. Все наблюдатели были вооружены справочниками своих организаций, где детально и алгоритмично описывался процесс подсчета: как *должна* проверяться целостность печатей на избирательных урнах, как урны *должны быть* вскрыты, как оттуда в первую очередь *должен быть* изъят и проверен протокол участковой комиссии, как этот протокол *должен быть* зачитан и т. п. Буквально все этапы работы комиссии, от первого до последнего шага — подведения и регистрации итогов.

Однако наблюдаемый процесс подсчета бюллетеней сильно отличался от представлений авторов справочников. Урны с шумом опрокидывались на столы. Члены счетной комиссии выхватывали друг у друга вываливающиеся из урн протоколы, борясь за право первыми огласить результаты. Каждый стол устанавливал свои собственные *ad hoc* правила счета. Разноцветные бюллетени высоко взлетали над столами и раскладывались в стопки причудливым и на первый взгляд непредсказуемым образом. Подсчет перемежался конфликтами, спорами, выяснениями отношений, спонтанными обвинениями и не менее спонтанными примирениями. Начавшись 3 июля в 20.25, он закончился 4 июля в 22.40.

Наблюдатели, вооруженные справочниками, затруднялись ответить на ключевой вопрос фрейм-анализа «Что здесь происходит?». Описание процесса подсчета голосов в справочниках принципиально не совпадало с тем, как фреймировали взаимодействие сами участники. Они с завидной регулярностью переводили коммуникацию во фреймы шутки, азартной игры и соревнования. Причем соревнования шли параллельно между «столами» (состязание в скорости подсчета), между представителями двух лидирующих партий (кто «ведет» по числу бюллетеней за данным конкретным столом), между партийными наблюдателями (кто раньше отрапортует в свой штаб об итогах голосования). Наблюдатели и их переводчики тоже по мере сил участвовали в процессе фреймирования. Заполненные ими карты наблюдения и наблюдательские отчеты пестрели метафорами, образными сравнениями и аналогиями, отличаясь друг от друга не меньше, чем происходящее по ту сторону красной ленты — от описаний в справочниках.

Было ли наблюдаемое событие «подсчетом голосов»? Или элемент азартного соревнования транспонировал происходящее в «игру», «командное состязание» и «театральную постановку»? Чем заданы границы фрейма события «подсчет голосов»? Справочником? Законодательством? Совместным определением ситуации самими участниками подсчета? Или консенсусом наблюдателей? А главное — что изменилось во взаимодействии после его транспонирования? Повлияло ли транспонирование на исход подсчета бюллетеней?

Если в случае с подсчетом голосов клубок фрейм-аналитических вопросов распутать довольно легко (например, апеллировав к консенсусу наблюдателей, общности определения ситуации участниками, согласованным использованием различений и т. п.), то в случае с самим голосованием все уже не столь очевидно. Как переключение взаимодействия на избирательном участке из фрейма голосования в иные, не-электоральные фреймы может повлиять на его исход?

Можно предположить, что члены счетной комиссии города Пука предприняли двойное переключение⁴: через превращение подсчета голосов в «игру» (ключ «выдумка») и через его трансформацию в соревнование (ключ «состязание»). На первый взгляд кажется, что эти трансформации предпринимаются из-за навязчивой рутинности самого процесса подсчета голосов — якобы монотонная утомительная деятельность на протяжении двадцати шести часов заставляет людей искать способы разнообразить ее. Однако следуя логике гофмановского фрейм-анализа, следует предположить обратное: транспонирование подсчета происходит именно из-за его нерутинного характера — члены комиссии не считают голоса каждый день и не имеют привычки к этому занятию. Данное электоральное событие («подсчет бюллетеней») относительно редко, а потому плохо связано с событиями повседневных коммуникаций — *неплотно пригнано* к ним. Именно такие нерутинные, но ритмичные события и имеют наибольшие шансы стать предметом транспонирования; как показывают работы Гофмана, наибольшим потенциалом переключаемости обладают ранее переключенные события, поскольку они наименее прочно встроены в событийные ряды, их связь с «соседними» событиями слабее.

Эта двойственность обнаруживается и в самом событии голосования. С одной стороны, данное событие принадлежит миру рабочих операций, за ним не скрывается никакая другая реальность. Оно не является переключением или фабрикацией иного события, а потому должно обладать тем же онтологическим статусом, что и любое событие из «верховой реальности» мира повседневной жизни (вождение автомобиля, работа за компьютером, приготовление пищи). В то же время голосование — событие не рутинное, не вплетенное в ткань повседневных взаимодействий, а выламывающееся из него. (В Албании это обстоятельство усиливалось тем, что выборы-2005 — одно из первых электоральных событий, полностью самостоятельно организованных албанскими властями после гражданской войны конца 90-х и последующей «инсталляции демократических институтов под контролем международного сообщества».) Посещение избирательного участка носит выраженные символические коннотации, что увеличивает шансы этого события на транспонирование в иную систему фреймов — преобразование в не-буквальную реальность.

Транспонирование голосования

Кейс 1. Голосование как священнодействие (Северная Албания)

Как должен выглядеть албанский избирательный участок с точки зрения организаторов парламентских выборов 2005 года? Свобода действий тех, кто занимался непосредственной организацией голосования и устройством избирательных участков на местах, в этом отношении была серьезно ограничена. По возможности (но не обязательно) участок *должен был* находиться в помещении с двумя дверьми (чтобы избежать столпотворения и на случай пожара). В помещении *должны были* находиться две урны для голосования (если число зарегистрированных избирателей больше

4. Конечно, если допустить, что никто из ее членов не имел намерения подтасовать результаты голосования — тогда речь должна была бы идти не о переключении, а о фабрикации.

определенного порога). *Должны были* быть выделены места для голосования. Эти места *должны были* быть отделены картонными ширмами, обеспечивающими тайну волеизъявления. В каждый конкретный момент на участке *должно было* находиться не менее трех членов участковой избирательной комиссии. В помещении также *должны были* быть предусмотрены места для наблюдателей. Урны *должны были* находиться в поле зрения членов комиссии и в зоне потенциальной доступности наблюдателей.

Иными словами, подобный идеальный участок должен был выглядеть так:

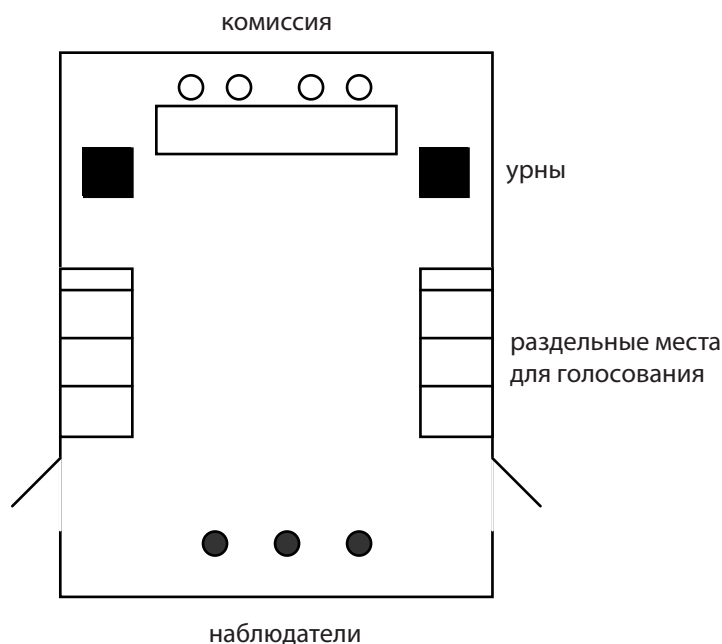

Схема 1. Фрейм «идеального» избирательного участка

Наблюдателям — помимо традиционных форм мошенничества (таких как «ballot staffing», т. е. вброс голосов) и неправомерной агитации — предписывалось следить и за обычными на Балканах «огрехами»: нарушениями тайны волеизъявления и семейным голосованием (муж голосует за жену, мать и дочерей).

Таково вкратце описание «электорального фрейма». Алгоритм «правильного» голосования включает в себя: вход в помещение, демонстрацию рук члену комиссии (проверка на наличие отметки о голосовании), предъявление документа, получение бюллетеня, получение ультрафиолетовой отметки на руку (исключающей повторное голосование), подход к месту для голосования и сам процесс голосования — опускание бюллетеня в урну, выход через вторую дверь. Это не жесткое предписание. Однако именно так (с некоторыми отклонениями) выглядит данный процесс на значительном числе участков.

Тем не менее на некоторых участках голосование было организовано принципиально иначе (см. Схема 2).

...Помещение избирательного участка разделено на две части ширмой. Два члена избирательной комиссии (женщины) находятся на одной стороне участка, два других члена (мужчины) — на другой. Через один вход заходят женщины, через другой — мужчины. Соответственно, одна из урн оказывается «женской», вторая — «мужской». Голосование происходит в полной тишине. Проголосовав, женщины

возвращаются домой, мужчины — остаются доколо избирательного участка, курят и обсуждают исход выборов. Оба наблюдателя на участке оказались мужчинами, а потому на «женскую» часть не заходят. В тех случаях, когда пожилые избиратели не умеют читать, они шепотом просят члена избирательной комиссии отметить в их бюллетене нужную им партию. Тот, как правило, делает это молча. Иногда бюллетени бросают в урну с нашептываниями и приговорами.

И мужчины и женщины одеты торжественно, возможно, в национальные костюмы...

Из карты наблюдения (Северная Албания)

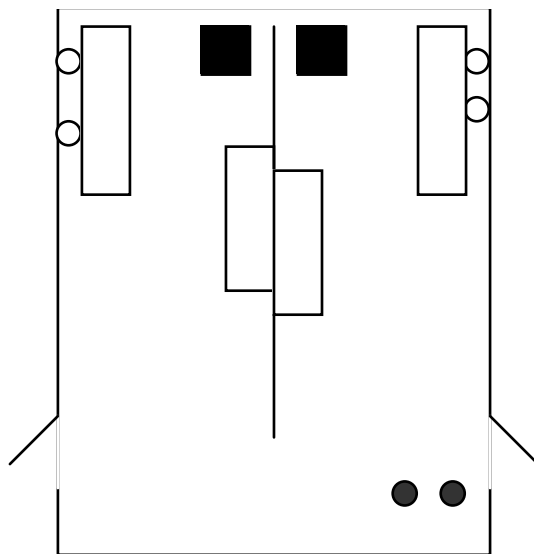

Схема 2. Голосование как священнодействие

Данный вид переключения не является широко распространенным. На выборах 2005 года он был зафиксирован наблюдателями всего в двух местах (описание, приведенное выше, сделано на сельском избирательном участке в семи километрах от поселка Фуши-Аретц). Это фрейм «голосования как священнодействия»: событие волеизъявления становится экраном сильной символической проекции, ему сообщаются внятные религиозные коннотации. Что любопытно, оно не приводит к устранению женщин из голосования, им не чинится препятствий, и что касается формальных нарушений — их здесь всего два (нарушение тайны голосования и препятствование наблюдателям в доступе на вторую половину участка, которое к тому же не является в прямом смысле слова «препятствованием»). Более того, по утверждению местных жителей, население села не является истово религиозным. Почему же именно во фрейм священнодействия было переключено событие голосования?

Вероятно, это побочное следствие самого использованного здесь ключа — *церемониала*. В процедуре голосования заложено немало элементов, подчеркивающих его торжественность и символичность. После переключения они усиливаются: ультрафиолетовая отметка на руке — уже не просто технический способ предотвратить повторное голосование одним и тем же лицом. Теперь это Знак, символический маркер человека, выполнившего свой гражданский долг.

Что любопытно, так это устойчивость, с которой привнесенные на избирательный участок чужеродные электоральному событию символические различия

(мужское/женское, сакральное/профанное) поддерживаются и воспроизводятся в течение всего дня голосования. То, что составило трудность для международных наблюдателей — понять «правила игры» в этом помещении, ответить на вопрос «Что здесь происходит?», — не составляло никакого труда местных жителей. Однако они далеко не всегда могли эксплицировать это свое знание правил игры. Правила оказались инкорпорированными и в обстановку избирательного участка.

Кейс 2. Голосование-фестиваль (Центральная Албания)

Принципиально другой тип переключения голосования — его перевод из электорального фрейма во фрейм фестиваля, праздника, локального торжества. Эта форма транспонирования, вероятно, распространена несколько шире, чем церемониальная, но тоже преимущественно в небольших деревнях и поселениях. Наблюдатели фиксировали элементы такого переключения не только в Албании, но и годом позже на выборах в Боснии и Герцеговине (Схема 3).

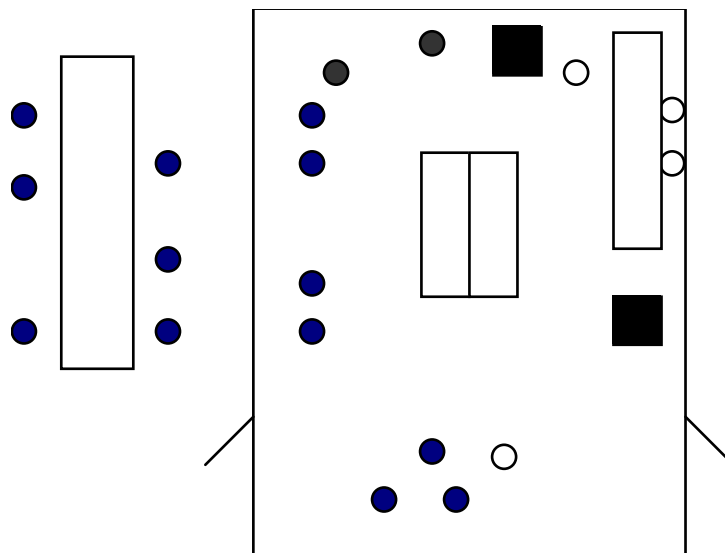

Схема 3. Голосование как карнавал

Пространство избирательного участка сильно «разрежено». Всего один стол для голосования стоит посреди комнаты без всяких загоронок и ширм. Люди голосуют, открыто демонстрируя всем свой выбор (голосование идет только за одну партию). На избирательном участке много посторонних, уже проголосовавших, которые играют роль зрителей. Мужья зачастую приходят с документами жен и голосуют за них. Члены избирательных комиссий и наблюдатели свободно перемещаются по помещению и общаются с посторонними. После того как человек голосует, он поднимает бюллетень над головой и произносит тост или шутку. В ответ раздаются одобрительные возгласы и иногда аплодисменты. Опускание бюллетеня в урну также сопровождается возгласами и аплодисментами. Снаружи идет приготовление к празднеству, намеченному на окончание голосования.

Члены участковой избирательной комиссии непрерывно иронизируют, шутят над своими должностями, всячески их обыгрывают в диалогах. Обращаются друг к другу «господин председатель избирательной комиссии», «госпожа секретарь комиссии» с преувеличенной церемонностью и игровыми интонациями.

Здесь происходит превращение голосования в особого рода ритуал взаимодействия, призванный (как и все ритуалы) усиливать солидарность сообщества. Бессмысленно анализировать происходящее с точки зрения нарушений, как отклонений от «правильной траектории» — нарушения здесь носят массовый и систематический характер. С точки зрения фрейм-анализа интерес представляет то, как изменяется сама архитектура события при транспонировании. Мы видим, как пространство избирательного участка становится жестко центрированным: место для голосования оказывается чем-то вроде подиума или сцены, присутствующие — зрителями, а комиссия — жюри. В отличие от «правильного» электорального фрейма (и тем более в отличие от фрейма священнодействия, рассмотренного выше), этот фрейм допускает значительную свободу действий и перемещений. Это не церемониал, поскольку здесь нет имплицитного сценария и символических проекций. Ключом тут является «выдумка» («make-believe»), а если более конкретно, то «игровое притворство» («playfulness») — одна из самых распространенных разновидностей «выдумки». Данный тип переключения транспонирует голосование в развлечение, *игру в голосование*, превращая волеизъявление в нечто рядоположное популярным среди американских подростков «drinking-games»⁵.

Если предыдущий тип переключения — это сакрализация голосования (вывод фрагмента взаимодействия из первичной системы фреймов и перенос его во фрейм церемониальный с усилением всех символических элементов), то данный тип переключения это, напротив, профанация, то есть превращение события в профанное, мирское, за счет пародирования, иронии, обыгрывания.

Явка на таких избирательных участках умеренно высокая и голосование оказывается практически единогласным. Можно задаться вопросом, является ли подобное единообразие результатов волеизъявления итогом переключения самого процесса голосования, или же оба они — и переключение, и политические следствия — суть следствия каких-то иных (социальных, культурных, экономических) детерминант, скрытых от глаз наблюдателя? Однако фрейм-анализ не в состоянии дать ответ на этот вопрос. Его задача — анализировать порядки взаимодействия на избирательном участке и механику их трансформации. Мы можем лишь показать, как возникающие структуры взаимодействия связаны с отдельными характеристиками избирательного процесса (например, итогами голосования в некоторых областях или наиболее типичными нарушениями). Задача такого рода анализа — исследование политических фактов в перспективе породивших их социальных взаимодействий лицом-к-лицу.

Где в приведенном выше кейсе кроется описанное Бейтсоном (Bateson, 1955) фреймоустанавливающее сообщение «Это — игра»? Где локализован метакоммуникативный сигнал, перекодировавший «голосование» в «игру в голосование»? Наблюдатель не может с уверенностью сказать, что у данного переключения есть автор, — скорее всего, изменение правил игры произошло до его появления на участке и произошло усилиями более чем одного взаимодействующего. Но случившись, эта перенастройка закрепились в материальной аранжировке события — в самой обстановке изби-

5. «Игры с алкоголем» — формы взаимодействия в подростковых субкультурах, характеризующиеся сочетанием игрового, состязательного и ритуального употребления спиртных напитков (например, «beer-ball»).

рательного участка. Теперь всё — от расположения столов и избирательных урн до размещенных в пространстве тел избирателей — выполняет функцию метакоммуникативного сообщения «это игра». Причем метакоммуникативными сигналами обмениваются также и сами взаимодействующие (иронично обращаясь друг к другу по

Примеры эксплицитных метакоммуникативных сообщений на избирательном участке

своим официальным статусам, добавляя перформативные элементы «инсценировки» в текущее событие). Поэтому автора данного определения ситуации искать, по всей вероятности, бессмысленно: произошедшее переключение — результат непрерывного процесса смыслообразования, совершаемого всеми вольными и невольными участниками взаимодействия (в том числе наблюдателями). И стоит отметить, что ни у кого из участников этого процесса нет монополии на «правильное» определение ситуации — ни у наблюдателей, ни у избирателей, ни у членов комиссии⁶.

Инкорпорирование определения ситуации в саму обстановку избирательного участка имеет место при каждом переключении и даже тогда, когда переключение происходит «непроизвольно» (в силу стечения обстоятельств). Зачастую определение ситуации встроено в место задолго до того, как это место оборудуется для голосования; тогда сохранившееся в нем метакоммуникативное сообщение может повлиять на итоги волеизъявления. Так, неподалеку от города Ливно (Босния и Герцеговина), населенном преимущественно хорватами, один из избирательных участков был оборудован в школе, где в период последнего боснийско-хорватского конфликта располагалась тюрьма для боснийцев. Многие избиратели-боснийцы были в этом здании заключенными и отказывались идти голосовать в место, с которым их связывают

6. Принципиально иначе рассматривается процесс фреймирования в той версии фрейм-анализа, которую развивают исследователи социальных движений (Snow, Benford, 1988). Для них установление некоторого фрейма — это всегда результат ожесточенной борьбы за право определять ситуацию, следствие конкуренции самих противоборствующих акторов и предлагаемых ими определений.

тяжелые воспоминания. Метакоммуникативное сообщение «это — избирательный участок» гораздо слабее сообщения «это — тюрьма», удерживаемого коллективной памятью.

Избирательный участок (Западная Босния)

Кейс 3. Транспонирование и фабрикация голосования (Босния и Герцеговина)

Каждая следующая трансформация — это усиление знаковых элементов события, превращение события в знак самого себя. Таким образом, каждое следующее наложение в структуре взаимодействия дается легче предыдущего. А потому вслед за переключением легко может последовать фабрикация. (И наоборот, переключение может стать элементом фабрикации, ее «внешним слоем», «отвлекающим маневром», маркером фигуративности.) Далее мы приводим фрагмент из дневника наблюдения, сделанного в удаленном сельском населенном пункте в 15 км от г. Ливно.

На участке царит оживленная атмосфера, люди непрерывно шутят над происходящим. В помещении находится много посторонних (уже проголосовавших?). Женщина, председатель участковой комиссии, периодически выходит из помещения и возвращается в него, громко обращается по именам к местным наблюдателям. Так же громко спрашивает у других членов избирательной комиссии: «А этот голосовал? Хорошо! А его дети приехали? Отлично! Так, кто у нас еще отлынивает от исполнения гражданского долга?». Голосующие постоянно шутят с членами комиссии. Создается ощущение, что все происходящее происходит не всерьез.

К вечеру мы обратили внимание на то, что печать на одной из избирательных урн повреждена. Эта урна стоит непосредственно около стола председателя. Моя напарница заметила, что на протяжении довольно длительного времени использовалась только одна урна. (Вторая, по всей видимости, находилась под столом председателя.) При подведении итогов выяснилось, что проголосовали более 90% зарегистрированных на данном участке избирателей — гораздо больше, чем по нашим приблизительным подсчетам. Когда вскрыли одну из урн, на стол часть бюллетеней

выпала плотной стопкой (что возможно, только если ее туда положили такой же стопкой). Однако члены комиссии не обращают на это внимания — они продолжают поддерживать игровой настрой и тут же засыпают выпавшую стопку вброшенных бюллетеней бюллетенями из другой урны, делая вид, что распределяют бюллетени между собой: «Ты, Иванко, мужчина заметный, поэтому возьми себе больше бюллетеней — ты быстро считаешь, а ты, Ивица, раньше учителем математики был — вот тебе стопка». Так подброшенные бюллетени «размешиваются» прямо на глазах наблюдателей. Председатель комиссии подмигивает нам, словно предлагая принять участие в веселом розыгрыше.

По итогам голосования на данном участке за партию HDZ проголосовало более 70% избирателей...

Из отчета наблюдателей (Босния и Герцеговина)

В приведенном фрагменте описан довольно типичный случай вброса бюллетеней, зафиксированный наблюдателями. (Зафиксированный только потому, что в какой-то момент, заподозрив мошенничество, они начали считать голосующих.) Эта фабрикация структурно связана с элементами того типа переключения («make-believe», «playfulness»), которые были задействованы в данной ситуации. Как именно элементы фабрикации соотносятся с элементами переключения? Иными словами, когда и как игра становится обманом?

Мы можем лишь предположить, что переключение «готовит почву» и облегчает фабрикацию, являясь ее неотъемлемой частью. Точнее, само переключение здесь встроено в механику фабрикации. Спектакль, разыгранный перед наблюдателями, был, по-видимому, отвлекающим маневром для вброса бюллетеней. Однако не случайно и то, что именно «игровое притворство», а не «состязание» или «церемониал», были выбраны для этой цели. Благодаря использованию ключа «выдумка» выборы начинают осознаваться как нечто ненастоящее, притворное, игровое. А то, что уже воспринимается как притворство, довольно легко трансформировать дальше — в мошенничество.

Рефрейминг и производство этничности на избирательном участке

Отметим, что приведенные выше примеры переключения и фабрикации — это разновидности трансформаций. Такого рода транспонирование фрейма взаимодействия следует отличать от рефрейминга. Далеко не все рефрейминги связаны с описанными Гофманом переключениями и фабрикациями. Рефрейминг происходит всякий раз, когда рамки взаимодействия ломаются и заменяются новыми. Например, когда ломается фрейм «подсчет голосов» и взаимодействие переходит во фрейм «выяснение отношений» или фрейм «драка». Драка членов счетной комиссии — не результат переключения (транспонирования) подсчета голосов, но результат рефрейминга этого подсчета. Так электоральный фрейм сменяется неэлекторальным без всякого «ключа».

Может ли знание того, как происходит рефрейминг голосования на участках, помочь нам объяснить результаты выборов? В ряде случаев — да.

Кейс 4. Рефрейминг и голосование меньшинств (Славония и Барания)

Институционально избирательная система Хорватии — одна из наиболее толерантных в отношении к этническим меньшинствам. В парламент избираются от 140 до 160 депутатов. В это число входят восемь депутатов, представляющие меньшинства, и от одного до десяти депутатов из списка хорватской диаспоры. Представитель любого этнического меньшинства может зарегистрироваться в комиссии своего избирательного округа заранее и в день голосования ему будет предложен выбор: он сможет голосовать либо выбирая из общего списка партий и кандидатов, либо из списка кандидатов от своей миноритарной этнической группы.

Можно сколько угодно оспаривать политическую дальновидность такого институционального устройства электоральной системы (оно определенно закрепляет этнические размежевания на уровне легислатуры), но его преимущества очевидны — представителям сербского, итальянского, цыганского, немецкого, венгерского и других меньшинств (коих в Хорватии немало) предоставлена заметная свобода выбора. Все, что нужно, — это заранее зарегистрироваться: избиратель, зарегистрированный в листе меньшинств, может в день голосования передумать и голосовать, «как все», по общегражданскому списку кандидатов и партий, но не наоборот — незарегистрированному представителю меньшинства придется выбирать только из общегражданского списка (но не из списка кандидатов от своей этнической группы).

Далее, можно предположить, что если человек уже затратил определенные усилия для того, чтобы заранее зарегистрироваться в качестве избирателя от меньшинств, он предпочтет выбирать из этого списка. Однако итоги голосования в Хорватии несколько обескуражили аналитиков. Из 190 510 избирателей в списке сербского меньшинства за того или иного кандидата по «сербскому списку» проголосовали всего 25 741. В других группах меньшинств соотношение зарегистрировавшихся и проголосовавших не столь разительное, но заметное: в среднем четыре к одному⁷.

В Славонии и Барании, где в течение месяца мы вели наблюдение за подготовкой к выборам и самими выборами, данная диспропорция оказалась еще сильнее. Что неудивительно, Славония и Барания — один из немногих регионов Хорватии, где межэтнические отношения остаются напряженными. Здесь расположен печально известный город Вуковар (с расположенным поблизости мемориалом «Овчара», открытым на месте бывшего концентрационного лагеря), со времен войны сохранилось несколько неразминированных полей.

В штабе миссии ОБСЕ обсуждались преимущественно две версии, объясняющие электоральное поведение миноритарных этнических групп: страх голосовать за «этнические» списки и недостаточная кампания кандидатов из этих списков. Первая версия кажется не вполне убедительной — ведь речь идет не в целом о представителях меньшинств, а лишь о тех, кто специально зарегистрировался в этом качестве перед выборами. Вторая версия еще менее убедительна: поскольку для победы от списка меньшинств требуется гораздо меньше голосов, чем для победы по электоральному округу, кампания велась ожесточенная, и по свидетельству наблюдателей, исключительно активная.

7. <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/c/croatia/xorvatiya-parlamentskie-vybory-2007.html>;
<http://psephos.adam-carr.net/countries/c/croatia/croatia2007.txt>

Что любопытно, зачастую в интервью с нами представители миноритарных этнических групп говорили, что до последнего момента собирались голосовать за список меньшинств, но уже на самом избирательном участке передумали и выбрали одну из партий общегражданского списка. Почему? Интервьюируемые затруднились ответить на этот вопрос. Однако по материалам наблюдения за процессом голосования в день выборов мы можем предположить, что здесь не последнюю роль сыграл рефрейминг процедуры голосования — включение в событие голосования элементов этнической сегрегации.

Рассмотрим организацию одного из избирательных участков в городе Осиек, столице Славонии и Барании (Схема 4).

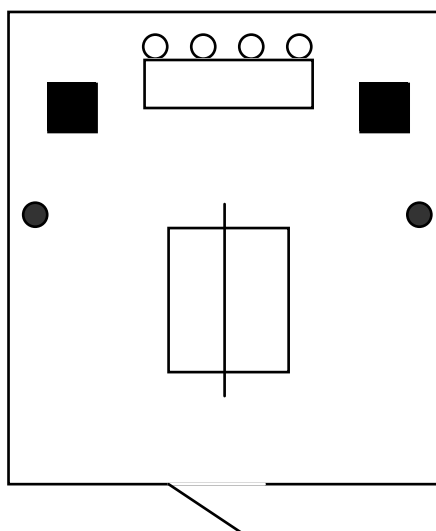

Схема 4. Рефрейминг голосования

По инициативе участковой избирательной комиссии комната разделена на две равные части: для тех, кто голосует за общегражданский список, и тех, кто голосует за один из списков меньшинств. «Для удобства последующего подсчета голосов» было решено одну из урн сделать урной для голосов меньшинств, а вторую — урной для голосов «коренного населения». Процедура выдачи бюллетеня сходна с процедурой селекции. Избиратель подходит к члену комиссии, тот спрашивает, зарегистрирован ли он в списке меньшинств и хочет ли голосовать за «своих кандидатов», если да — избирателя направляют к специальному члену комиссии, который выдает ему бюллетень «для меньшинств». После чего избирателю указывают на «его» половину избирательного участка и просят затем опустить бюллетень в урну, на которой написано «Меньшинства».

Из отчета наблюдателей (г. Осиек, Восточная Хорватия)

Такого рода рефрейминг голосования — производство и визуализация этнических различий на избирательном участке — напоминает описанный выше на примере Албании механизм переключения во фрейм ритуала с соответствующим разделением избирательного участка на «мужскую» и «женскую» половину. Однако здесь разделение участка не выполняет никаких церемониальных функций и проведено в «технических» целях. И последствия такого разделения для хода голосования весьма значимы: визуализация различий и этническое маркирование — это элементы про-

цесса, названного Гофманом «лейблингом». По сути, речь идет о скрытой стигматизации, опирающейся на вполне эксплицитные метакоммуникативные сообщения.

Фрейм селекции поддерживается не только на метакоммуникативном уровне (организация пространства, алгоритм действий), но и на уровне прямой коммуникации.

В соответствии с протоколом член комиссии должен задать вопрос «Вы зарегистрированы в каком-либо списке меньшинств или только в общегражданском списке?». Однако чаще вопрос этот звучит короче: «Вы хорват или меньшинство?». Два избирателя (с разницей в час) на этот вопрос ответили: «Я воевал в Войну за независимость!», «Я здесь родился!». После чего член комиссии выдал избирателю бюллетень для голосования по общегражданскому списку.

За три часа на участке мы насчитали 18 избирателей, зарегистрированных в списках меньшинств, но решивших голосовать за общегражданский список.

Из отчета наблюдателей (Славония и Барания)

Вопрос члена комиссии сам способен резко изменить фрейм взаимодействия — сменить контекст «электоральный» на контекст «этнический». Однако условия возможности подобного рефрейминга созданы предварительно — посредством метакоммуникативных сообщений, инкорпорированных в материальные обстоятельства голосования на данном участке.

Является ли такая организация электорального опыта намеренным действием, направленным на сокращение «этнического голосования», мы оставляем за скобками. Важно другое: рефрейминг ситуации сообщил голосованию принципиально иные неэлекторальные коннотации. Тем самым изменив архитектуру голосования как социального события и косвенно повлияв на его исход.

Предварительные выводы: формализация, вовлеченность и рефлексия⁸

Здесь нам необходимо вернуться к исходной постановке проблемы и еще раз задать вопрос: насколько такой микросоциологический способ анализа социальных взаимодействий легитимен для исследования политических явлений? Действительно, наша версия анализа фреймов не делает различий в описаниях между «политическими» и «неполитическими» событиями. Для нее эти различия суть различия во фреймах (например, политическое действие может быть фреймировано как ритуальное, спортивное, игровое и т. п.), следовательно, это не качественные, а структурные различия. А значит, и методологически анализ фреймов политических действий (голосования, агитации, демонстрации) ничем не отличается от анализа фреймов просмотра телевизора или взаимодействия с банкоматом в торговом центре.

8. Все содержательные выводы и заключения этой главы — результат обсуждения балканских исследований с коллегами по фрейм-аналитическому цеху: Дворой Яноу, Мерлином ван Хульстом, Питером Файндтом и Срджаном Вучетичем. Без общения с ними и другими участниками семинара «Исследования политического через призму фрейм-анализа» (Лиссабон, 04.2009) эта статья никогда не была бы написана. Я также искренне признателен Татьяне Исаевой за помощь в работе над последней версией текста.

Исследования электорального поведения (Prysbu, 1989: 163–180; Branton, 2003: 367–377; Kostadinova, 2006: 121–143; Mylonas, Roussias, 2008) оперируют принципиально иными объяснительными моделями. К примеру, поведение различных групп меньшинств на выборах в Хорватии получает целую серию объяснений: от предположения о том, что отказ от голосования по этническому списку продиктован рациональными соображениями избирателей, их прагматическим стремлением к получению выгоды от исхода голосования, до макроинституциональных ответов. В макромоделях независимыми переменными являются «нарезка» округов, экономическая и географическая специфика, потоки миграции, зависящая же переменная одна — исход выборов. В обоих случаях аксиоматически выносятся за скобки сам факт голосования как конкретного определенным образом фреймированного события.

Было бы ошибкой указать на аксиоматические ограничения исследований электорального поведения и не сказать об аксиоматических ограничениях самого фрейм-анализа. Гофман, оставив в наследство микросоциологии методологический императив объяснения «социального как повседневного», во многом предопределил оптику нашего исследования. В его аксиоматике заложено представление о всяком социальном и политическом факте (в частности, о «волеизъявлении народа») как о производной от некоторых локальных фреймированных взаимодействий. Этот факт не имеет самостоятельного существования в отрыве от контекстуально обусловленных действий людей. Взаимодействие на избирательном участке — это процесс производства выборов как политического факта. Анализ фреймов этого процесса позволяет понять специфику производимого «продукта».

Наконец, предложенный в данной главе способ использования фрейм-анализа существенно отличается от некоторых распространенных версий его применения в политических исследованиях (Rein, Schön, 1993). В частности, речь здесь не идет о борьбе за право поместить событие в тот или иной фрейм, придав ему соответствующую интерпретацию. Интересующий нас электоральный опыт в определенном смысле является до-интерпретативным. Анализируются не структуры нарративов, а структуры наблюдаемого поведения. Впрочем, отличий гораздо меньше, чем может показаться на первый взгляд. В конечном итоге задача здесь ставится сходным образом — «увязать текст с контекстом» («linking text to its context»), только вместо текста — осмысленные действия.

Нетрудно заметить, например, что фиксируемые механизмы транспонирования — суть механизмы метафоризации. Превращение голосования в ритуал или фестиваль — это «заклучение его в кавычки», а используемые при этом метакоммуникативные сообщения (прежде всего невербальные) делают возможным такого рода менеджмент в сфере «поведенческих метафор». Впрочем, анализ «метафор в поведении» по аналогии с «метафорами в языке» далеко не единственное, что может дать продуктивный синтез разных версий анализа фреймов.

В исследовании фреймов голосования нас более всего занимал вопрос: что происходит с конкретным наблюдаемым событием при запуске механизмов переключения, фабрикации или рефрейминга? Интерес этот был обусловлен характером исследовательской задачи — организатору электорального наблюдения необходимо понять,

как влияют такие механизмы, имплицитно встроенные в политическую коммуникацию, на процесс и результат волеизъявления. Фрейм-аналитик мечтает создать полный каталог переключений и рефреймингов, своего рода таблицу транспонирований, позволяющую с уверенностью сказать, как именно «деформируется» событие n_1 при его переносе из фрейма N во фрейм N' . Достичь подобной степени формализации, приблизив фрейм-анализ если не к «математике», то хотя бы к «сольфеджио» взаимодействий, столь же заманчиво, сколь затруднительно.

Что упускается из виду при прослеживании цепочки переключений? Как минимум два аспекта — *материальность* события и *вовлеченность* наблюдателя/действующего. Параметры вовлеченности и материальности непосредственно связаны. Иллюстрацией их связи может служить пример транспонирования рутинного и тривиального события — использования ремня безопасности в автомобиле.

В микроавтобусах «Газель» есть два передних пассажирских сиденья, расположенных рядом с местом водителя. В некоторых моделях эти сиденья сдвоены и для них предусмотрен один общий ремень безопасности. Пристегнувшись, вы оказываетесь намертво связанным со своим соседом; причем у пассажира, сидящего ближе к двери, ремень проходит в районе горла, а у пассажира, сидящего рядом с коробкой передач, — в области диафрагмы. Водители, привыкшие к подобным ситуациям, рекомендуют пассажиру у двери не тянуть ремень через сдвоенное сиденье, а просто накинуть его на грудь, прижав застежку левой ногой. Тогда он не будет сковывать движений (левая нога не в счет), а стоящие у обочины автоинспекторы не почувствуют подвоха, успев разглядеть перекинутый через плечо пассажира ремень. В сущности, «Газель» — крайний случай вынужденного нарушения ПДД из-за ошибки в конструкции. После очередного ужесточения в России правил дорожного движения (до которого ремень безопасности в автомобилях выполнял преимущественно декоративную функцию) немалое число водителей предпочитают не пристегивать, а накидывать это приспособление.

Итак, налицо механизм транспонирования (хотя, если строго следовать гофмановской терминологии, следовало бы говорить о фабрикации). Пристегивание как действие в первичном фрейме — при всей условности деления фреймов на первичные и вторичные — переключается в «накидывание», т. е. «как бы пристегивание». Это уже не забота о собственной безопасности, и даже не рутинное совершение элементарной технической операции, а некоторый спектакль, инсценировка, игра на публику (причем публика у автомобилистов вполне определенная и весьма взыскательная). Однако еще более радикальный механизм транспонирования предложили производители оригинального продукта — *белых рубашек с нарисованными на них ремнями безопасности* (в двух версиях: водительской и пассажирской или — что, впрочем, одно и то же — для владельцев машин с правым и левым рулем).

Формально мы можем два эти типа транспонирования («накидывание» и «визуальный обман посредством изображения ремня безопасности на рубашке») описать следующим образом:

1. $n_1(N) \rightarrow x \rightarrow n_2(N')$
2. $n_1(N) \rightarrow y \rightarrow n_3(N'')$

где событие n_1 , принадлежащее множеству событий N , транспонируется посредством механизма x в игровой фрейм N' , становясь событием n_2 . Аналогичным образом посредством ключа y это же событие транспонируется во фрейм N'' , становясь событием n_3 . Отношения, которые связывают теперь событие n_1 с событиями n_2 и n_3 , — суть отношения означания, сигнификации⁹. Сравнив события n_2 и n_3 , мы получим представление о том, как по-разному действуют механизмы x и y . Нечто подобное мы и пытались сделать в исследовании транспонирования события голосования — его переключения посредством механизмов «ритуализации», «инсценировки», «соствязания» и т. п. Нечто подобное делает и Гофман, когда пишет: «Можно представить континуум, на одном полюсе которого игровые представления превращают утилитарное действие в забаву, а на другом — в спорт» (Гофман, 2004: 119). Даже когда x и y принадлежат одному типу механизмов переключения («игровые представления»), они могут трансформировать события по-разному, если x — это игра как «play», а y — игра как «game». («Именно театр и спорт сильнее всего могут увлекать зрителей и порождать собственную область бытия. Границы, налагаемые на эту деятельность, придают ей неповторимое очарование. История этих границ — это история того, как игра обретает новую жизнь» [Гофман, 2004: 119].)

Однако переключение событий не происходит спонтанно и стихийно; например, в случае с несознательным автомобилистом транспонированию предшествует конкретное решение — инсценировать пристегивание, заменив его накидыванием или прибегнув к визуальному обману. Само транспонирование становится возможным благодаря тому, что ремень безопасности (как и все материальные объекты, включенные в социальные взаимодействия) сообщает событию своего использования одновременно «буквальные» (literal) и фигуративные (non-literal) элементы. Умберто Эко связывает эту способность материальных объектов с тем, что ни одна вещь, став вещью-в-обществе, не остается «просто вещью», она оказывается также и знаком са-

9. Предложенный нами способ формализованного описания механизма транспонирования не единственно возможный и, очевидно, не самый лучший. В нем практически упускается гофмановская метафора «наслоения» (layering) переключенных реальностей друг на друга. Л. К. Баптиста предлагает следующий механизм записи: «Существует яркая предложенная Гофманом аналогия между интересующим нас аспектом фреймирования и математической/логической записью, а также некоторыми известными в то время лингвистическими теориями (генеративной грамматикой). Развивая эту аналогию, мы можем характеризовать сложный фрейм следующим образом:

$$[l_{n+1} [l_n \dots [l_2 [l_1 [l_0]]] \dots]],$$

где l_0 — это ядро фрейма, с l_1 по l_n — слои, а l_{n+1} — граница фрейма (rim). Соответственно, сложный фрейм может быть прописан так:

$$F = [l_{n+1} [l_n \dots [l_2 [l_1 [l_0]]] \dots]]$$

В свою очередь, он может выполнять функции ядра в более сложном фрейме:

$$G = [l_{n+1} [l_n \dots [l_2 [l_1 [F]]] \dots]]$$

И так далее» (Baptista, 2003: 208). Кажется — принимая во внимание специфику «стилей артикуляции», которые неизбежно вторгаются в любой процесс транспонирования и о которых речь пойдет далее — формализация, заимствованная из нотной записи, была бы предпочтительнее любых околomатематических форм описания.

мой себя. Ремень безопасности не только решает задачу снижения риска в случае аварии, он также *выражает и обозначает* предписанное правилами действие «снижение риска». Ремень оказывается одновременно используемой вещью и сообщением о ее использовании. При транспонировании материальность редуцируется и подменяется ее знаковым выражением: ремень как вещь более ничего не «говорит» телу автомобилиста, но по-прежнему несет в себе сообщение для сотрудников ГИБДД. Соответственно, вовлеченность в событийный ряд «поездки на автомобиле» различается у пристегнутого и не пристегнутого водителя. *Телесная вовлеченность (embeddedness) коррелятивна первичной системе фреймов и редуцируется вместе с материальными (нефигуративными) элементами события при его транспонировании.* Неслучайно Гофман выделяет два несводимых друг к другу основания фреймовой архитектуры: *событийные порядки и вовлеченность* («Определения ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности в них. Словом „фрейм“ я буду обозначать все, что описывается этими двумя элементами» [Гофман, 2004: 71]).

Пытаясь создать универсальные таблицы транспонирований, показывая, как «деформируются» события (голосование или пользование ремнем безопасности) при их переводе из одной системы фреймов в другую посредством разных ключей, формализуя свои описания, стилизуя их под примеры из теории множеств, мы упускаем из виду вовлеченность (а вместе с ней и материальность события, и телесность наблюдателя/действующего). Голосование, в котором вы приняли участие за компанию с родителями, и голосование, в котором вы — один из баллотирующихся кандидатов, это разные события, даже если совершены они в одном и том же первичном фрейме N. Причем различают их не отношения транспонирования или рефрейминга, а режимы вовлеченности. Впрочем, исследование механики транспонирования во взаимосвязи с режимами вовлеченности — предмет отдельного исследования.

Помимо редукции материальности и вовлеченности, камнем преткновения для выбранной нами фрейм-аналитической логики оказывается проблема рефлексии. В дискурсе этнографов и полевых социологов (особенно тех, кто исповедует «качественную методологию») бытует загадочный персонаж — *тотально рефлексивный исследователь*. Он непосредственно в процессе сбора данных производит постоянную проблематизацию своего личного опыта, своего профессионального «бэкграунда», своих душевных переживаний и своего положения по отношению к объекту исследования. Он ни на секунду не забывает, что всё открывающееся его взору — не реальность *per se* (и тем более не реальность, конституированная его взглядом сообразно выбранной теоретической оптике), а результат конфликта культур, биографий, сред, страт, гендеров и иных социальных различий, в координаты которых он помещает себя наряду со своим объектом исследования. Рефлексируя свое положение в «поле», этот персонаж ни на секунду не забывает напомнить себе и окружающим: «Я увидел то, что увидел, потому что я — белый образованный европеец средних лет, голосующий за либералов и зарабатывающий на жизнь в международных проектах сомнительного политического характера». Такого рода тотальная рефлексия служит наблюдателю чем-то вроде индульгенции — после акта публичной рефлексивной са-

мообъективации он может перейти к изложению материалов собранных наблюдений (переменяя их отсылками к социальным ограничениям своих познавательных возможностей).

Типичное возражение против навязчивого методического требования «тотальной рефлексии» звучит так: если бы такие персонажи, как тотально рефлексивные исследователи существовали в действительности, был бы абсолютно невозможен *консенсус наблюдателей*. Поскольку основания подобного консенсуса следовало бы искать в наблюдателе, а не в наблюдаемом (и не в оптике наблюдения). Наблюдатели же как эмпирические субъекты действительно существа весьма индивидуальные — и чем глубже рефлексия, тем меньше между ними общего. Однако, как показывает опыт международного электорального мониторинга, консенсус наблюдателей — скорее правило, нежели исключение; представители самых разных культур, работая в ситуации наблюдения здесь-и-сейчас, достигают удивительного единодушия в идентификации и интерпретации наблюдаемых событий, если их объединяет *общая система различений*.

Добавим к этому еще два соображения.

Во-первых, сторонники идеи тотальной рефлексивности верят в непосредственное знание о внутренних состояниях исследователя. Т.е. рефлексия принципиально отлична от наблюдения, поскольку рефлексия не нуждается в «языке»: «Даже если я не знаю, что здесь происходит, я знаю, что происходит со мной». Тотально рефлексивный исследователь говорит: «Я испытал шок от того, что увидел на избирательном участке, и тут же понял, что мой шок — следствие моего воспитания в традициях демократической культуры, благотворного влияния которой эти люди были лишены. И все предстало в ином свете („...and everything illuminated“)». Сказав это, рефлексивный наблюдатель успокаивается — ведь он распознал свое состояние (шок) и поместил его в сетку культурных различений, рефлексивно его «объяснив». Сам процесс распознавания, «считывания» оказывается непроблематичным — ведь к рефлексии не применяются те же критерии, что и к наблюдению.

Во-вторых, сторонники «тотальной рефлексивности» полагают, что наблюдатель может рефлексировать одновременно с наблюдением. (Вернее, они не верят в ценность наблюдения, не сопровождающегося рефлексией.)

Схематично тотально рефлексивный наблюдатель может быть изображен так:

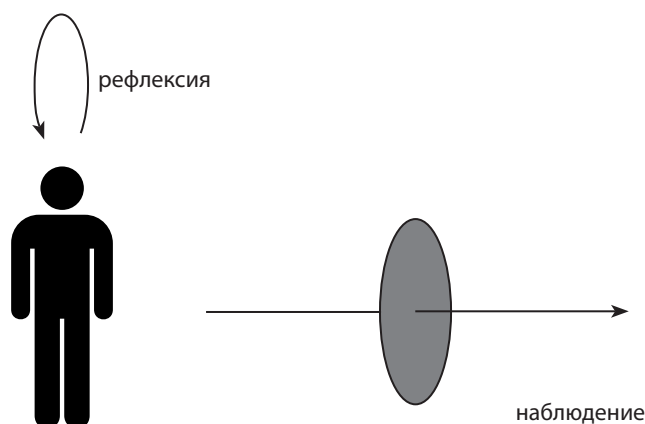

Схема 5. Тотально рефлексивный наблюдатель

В каждом его наблюдении присутствует два «контура вовлеченности»: *интенциональный* (направленный на объект наблюдения) и *рефлексивный* (направленный на самого себя, выполняющий функцию «контура обратной связи»). Причем если наблюдение еще признается опосредованным (имплицированной в нем системой различий), то рефлексия мыслится как ничем не замутненное отнесение к себе с последующей объективацией себя как познающего субъекта.

Однако рефлексия — не вчувствование познающего субъекта в самого себя. Рефлексивный акт логически организован так же, как и акт наблюдения: у него есть своя оптика и ему необходимы различия, позволяющие распознавать «внутренние состояния» (в этом отношении они ничем не отличаются от состояний «внешних») ¹⁰. А следовательно, *рефлексия — процесс, имеющий собственную фреймовую организацию*, процесс, включающий самонаблюдение и самописание. Это, в свою очередь, означает невозможность тотальной рефлексии: чтобы что-то видеть, нужно чего-то не видеть (свойство «эксклюзивности» наблюдения). Мы не видим очков, через которые смотрим на мир. Мы можем их снять и посмотреть на них через другие очки, но даже если вторые очки окажутся полностью идентичны первым, они не будут теми же самыми очками.

Далее. Акт рефлексии не может осуществляться *одновременно* с актом интенционального наблюдения. В терминах феноменологов наблюдение и рефлексия требуют разных установок сознания. Я могу сделать «шаг назад» для того, чтобы отнестись к себе в состоянии наблюдения, затем следующий «шаг назад» (чтобы отнестись к себе, относящемуся к себе в состоянии наблюдения) и т.д. Но каждый такой шаг назад требует смены модуса вовлеченности. Отступая на шаг от картины, художник меняет свой способ зрения. Веласкес не может одновременно наблюдать позирующую ему королевскую чету, писать портрет, рефлексировать свое положение в качестве придворного художника, пишущего портрет королевской четы, и продумывать композицию будущих «Менин» (т. е. портрета «второго порядка»).

Таковы в общих чертах отличия между идеей тотальной рефлексивности и рефлексивностью фрейм-аналитической. Для фрейм-аналитика отнесение к своему состоянию в процессе ответа на вопрос «Что здесь происходит?» — это постановка вопроса «Что со мной происходит, когда я задаю вопрос „Что здесь происходит?“». Иными словами, рефлексия — эксклюзивный фреймированный процесс самонаблюдения и самописания. У практикующих этнометодологов есть серьезные возражения против подобного понимания рефлексии и наблюдения. Они исходят из того, что всякое действие содержит в себе достаточный запас «практической рефлексивности», поэтому и понятию «наблюдение» (как чрезмерно аналитичному) последовательные этнометодологии предпочитают понятия «зрение» или «смотрение» (см. работу Г. Гарфинкеля «Глядя социологически» [Garfinkel, 2005]).

Противоположностью «тотальной рефлексивности» свободно парящего этнографа является не позиция фрейм-аналитика, а тотальная нерефлексивность наблюдателя, мыслящего себя бесстрастным экспериментатором в лаборатории социального мира. Такой наблюдатель-«регистратор» склонен выносить за скобки не только соб-

10. См. исключительно насыщенное (биологическое) описание этого процесса в: Maturana, Varela, 1980.

ственные установки внимания или системы различий, но и само свое телесное присутствие в фреймируемой ситуации. Он не принимает в расчет элементы рефрейминга и транспонирования, которые сам привносит на избирательный участок одним лишь своим появлением. Впрочем, абсолютно нерелексивный наблюдатель — мифический персонаж. Хотя многие из нас, оказавшихся «за красной лентой» в зале для подсчета голосов албанского города Пука, предприняли малодушную попытку найти в справочнике ОБСЕ ответ на вопрос «Что здесь происходит?», никто из наблюдателей не поддавался искушению исключить свое собственное присутствие из уравнения смыслообразования¹¹.

Ключевой вопрос, на который мы пытались найти ответ в данной статье: что происходит с событием голосования при его транспонировании? Самый общий (и не вполне удовлетворительный ответ) состоит в следующем: транспонируемое событие заключается в кавычки, становясь знаком самого себя. При этом оно схематизируется, изменяется его интонация. Одни элементы (чаще всего символические) усиливаются и гипертрофируются, другие (чаще всего материальные) — стираются. Какие конкретно элементы взаимодействия стираются, а какие усиливаются? Вероятно, это зависит от «ключа» (церемониал и выдумка принципиально по-разному трансформируют одно и то же событие).

Другой вопрос, на который у нас в настоящий момент нет вразумительного ответа: на что опираются фреймы? В чем они укоренены? Три наиболее распространенных ответа: в когнитивных схемах (Zerubavel, 1991), в коммуникации (Tannen, Wallat, 1987: 205–216) и в материальных объектах (Латур, 2006). Приведенные выше иллюстрации подтверждают все три гипотезы с равной вероятностью. Транспонирование голосования из электорального фрейма во фреймы ритуала и фестиваля произошло в Албании из-за того, что сам фрейм «голосование» как когнитивная матрица еще не сформирован. Отсутствует политическая традиция, которая сделала бы действия в соответствующем электоральном фрейме устойчивыми и воспроизводимыми. Однако когнитивных объяснений очевидно недостаточно. Ясно также и то, что фреймы меняются в процессе самой коммуникации (мы видели это на примере хорватских выборов). Наконец, в каждой из иллюстраций особую роль играло материальное оснащение и обстановка избирательного участка — изменение определения ситуации каждый раз закреплялось не только когнитивно или коммуникативно, но и физически¹².

11. Интересное дополнение к этому тезису предложил А. Корбут. По его замечанию, нерелексивным наблюдателем является не мифический сотрудник миссии ОБСЕ, а «нормальный» избиратель, находящийся — если воспользоваться шуцевским словарем описаний — в естественной установке сознания.

12. А. Титков при обсуждении данного текста привел любопытный пример материальной оснастки ритуала выборов на советском избирательном участке. Кабины для голосования действительно плотно задрапированы и формально предназначены для сохранения тайны голосования. Однако стоят они поодаль, на некоторой дистанции от основного «локуса взаимодействий». Всякий, кто, взяв бюллетень, направлялся к кабинам — вместо того чтобы как все, быстро, «не отходя от кассы», отметить нужного кандидата и бросить бюллетень в урну — подозревался в злокозненности. (Чаще всего в намерении маркировать избирательный бюллетень нелитературным письменным комментарием.)

Вероятно, вряд ли можно с уверенностью сделать выбор в пользу лишь одной из упомянутых объяснительных моделей.

Литература

- Гофман И. (2004). Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Латур Б. (2006). Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова // Социология вещей / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.
- Baptista L. K. (2003). Framing and cognition // Goffman's legacy / Ed. by A. J. Treviño. New York: Rowman & Littlefield, 2003. P. 197–215.
- Bateson G. (1955). The message «This is play» // Group process: Transactions of the Second Conference (held October 9–12, 1955, at Princeton, New Jersey) / Ed. by B. Schaffner. New York: Josiah Macy Jr. Foundation, 1955. P. 145–242.
- Branton R. P. (2003). Examining individual-level voting behavior on state ballot propositions // Political Research Quarterly. 2003. Vol. 56. № 3. P. 367–377.
- Garfinkel H. (2005). Seeing sociologically: the routine grounds of social action. New York: Paradigm Publishers, 2005.
- Kostadinova T. (2006). Party strategies and voter behavior in the East European mixed election systems // Party Politics. 2006. Vol. 12. № 1. P. 121–143.
- Maturana H., Varela F. (1980). Autopoiesis and cognition: the realization of the living. Dordrecht: D. Reidel, 1980.
- Mylonas H., Roussias N. (2008). When do votes count? Regime type, electoral conduct, and political competition in Africa // Comparative Political Studies. 2008. Vol. 41. № 11. P. 1466–1491.
- Pryby C. L. (1989). The structure of Southern electoral behavior // American Politics Research. 1989. Vol. 17. № 2. P. 163–180.
- Rein M., Schön D. (1993). Reframing policy discourse // The argumentative turn in policy analysis and planning / Ed. by F. Fischer and J. Forester. Durham: Duke University Press, 1993. P. 145–166.
- Snow D., Benford R. (1988). Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Vol 1. P. 197–219.
- Tannen D., Wallat S. (1987). Interactive frames and knowledge schemas in interaction: examples from a medical examination / interview // Social Psychology Quarterly. 1987. Vol. 50. № 2. P. 205–216.
- Zerubavel E. (1991). The fine line: boundaries and distinctions in everyday life. New York: Free Press, 1991.